

Хвала нации

Почему нельзя отдавать правым популистам идею национального государства

Читайте также эту статью на немецком / английском языке

Ода национальному государству? Речь в защиту нации? А почему бы вслед за этим и не восхваление шовинизма или патетическое исповедование социальной изоляции и ненависти? Похоже, в настоящее время во многом можно наблюдать консенсус относительно именно такого мнения в средствах массовой информации, культурной жизни, экономике, общественных науках, на церковных форумах и партийных собраниях. Национальное государство, не говоря уже о нации, считается чем-то обращенным в прошлое и неприменимым, лишенным солидарности, а ввиду глобальных вызовов – неэффективным и устаревшим.

Разве еще Карл Маркс и Фридрих Энгельс не сомневались в том, что при решении социальных вопросов рабочим классом будут преодолены «особенности отдельно взятых национальностей»? И разве в общественных науках по праву не упоминаются «воображаемые сообщества»? Поэтому вполне логичной кажется возможность проложить путь к мирному будущему человечества путем демонтажа нации, когда, выражаясь словами Джона Леннона, осуществлению мечты о всемирном братстве не будут более мешать государства и их границы. Поэтому даешь наднациональные объединения и региональное сотрудничество вне влияния «центра», если не в форме «всемирного государства», то хотя бы в форме «Европейской республики»! «It's easy, if you try!»

И только одно обстоятельство мешает этому кажущемуся консенсусу. Почему все-таки люди на этой планете отказываются отправить, наконец, социальную по своему устройству, обращенную в прошлое и при этом столь же несостоятельную, сколь и идеологически опасную концепцию нации туда, где ей, по мнению прогрессивных

наблюдателей, в моральном и практическом отношении, казалось бы, и место – на свалку истории? Ответ прост: потому что большинство людей явно не разделяют это мнение.

В недавнем статистическом исследовании в рамках проекта «Всемирный обзор ценностей», проведенном в 2014 году, ученые поставили вопрос о роли государства в почти 100 странах мира: 86 процентов респондентов от Алжира до Заира ответили, что «очень» или «в значительной мере» гордятся своей нацией. Удельный вес тех, кто «вообще не ощущал гордости» за свою национальную принадлежность, составил всего 1,7 процента.

Похожие результаты, датированные летом 2017 года, получены в еще более свежем опросе института общественного мнения YouGov: в этом случае ученые изучали соотношение между национальной и европейской идентичностью в семи европейских странах. Итог: лишь от одного до трех процентов опрошенных – около трех процентов немцев, два процента британцев, один процент французов и ноль процентов финнов – ощущали себя исключительно европейцами. Эти цифры свидетельствуют о том, что нация и национальное государство, как и прежде, остаются широко распространенными и, похоже, соответствуют глубинной потребности в коллективной общности особого рода.

*Демократию, соучастие,
справедливость, а также
солидарность и
интеграцию в условиях
глобального мира без
национального
государства попросту
невозможно воплотить в
действительность*

Но разве отказ от нации не является жизненно важным уроком, который нужно извлечь из катастрофы в немецкой истории? Действительно, кто, пребывая в здравом уме, будет цепляться за приправы ядовитой смеси в смертоносной теории расового превосходства Третьего рейха? Но в этой дискуссии существует специфическое немецкое измерение, не учитывающее того, что стремление к преодолению своего национального самосознания не является естественным для всей Европы. И в самом деле: нация и национальное государство с точки зрения датчан, норвежцев, поляков и голландцев оказались не инструментом агрессии, а оборонительным щитом – причем не в последнюю очередь от нападения со стороны Германии. На таком фоне столь распространенная, хотя и предпринимаемая с добрыми

намерениями попытка интеллектуального экзорцизма на почве национального государства, исходящая в столь догматической, сколь и в категорической форме из Берлина и адресованная другим нациям, больше всех пострадавшим от немецкого шовинизма, производит странное впечатление.

Впрочем, столь критичная позиция в вопросе о национальном государстве кажется особенно проблематичной именно из-за соображений политической необходимости. Прогрессивно настроенным деятелям не мешало бы вспомнить, что демократию, соучастие, справедливость, а также солидарность и интеграцию в условиях глобального мира без национального государства как форума прогрессивной политики попросту невозможно воплотить в действительность.

Гиперглобализация vs национальное государство

Достаточно поверхностного взгляда на нынешние глобальные вызовы, чтобы убедиться в том, что суть проблемы заключается не в избытке, а в недостатке государственности. На глобальном уровне пока что только национальное государство оказывалось демократически легитимной и дееспособной силой, которая в состоянии справиться с задачей обуздания политическими средствами экономической гиперглобализации. Никто не отрицает, что глобализация дала возможность миллионам людей побороть бедность. Но одновременно она повлекла за собой массовые потери в доходах средних слоев населения в развитых странах – эту движущую силу продолжающегося популистского бунта. Бранко Миланович очень наглядно представил эту тенденцию в форме так называемой графики слона. Главным является следующий вывод: позитивные последствия глобализации ощущаются прежде всего там, где она органично вписывается в стратегию собственного государственного развития, а также в активное и сильное, а не экономное и неолиберальное национальное государство.

Поэтому необходим не снос глобализации бульдозером протекционизма. Нужен альтернативный путь, позволяющий, с одной стороны, воспользоваться преимуществами, а с другой – уменьшить ее вредные последствия для широкой части среднего сословия в промышленно развитых странах. В политическом плане

это можно сделать только в форме ререгуляции, то есть путем усиления роли государства в разработке альтернативных вариантов развития. «Разумная глобализация» (Дэни Родрик), направленная в конструктивное русло, основывается не на преодолении, а на усилении полномочий национальных государств.

Кстати, это справедливо не только для сферы экономики. Ведь такие амбициозные проекты, как «Цели устойчивого развития» или «Парижское соглашение по защите климата», можно реализовать лишь вместе с национальными государствами, а не в отрыве от них. Поэтому невозможно добиться выравнивания процессов глобализации, большей глобальной безопасности, более глубокого международного сотрудничества и лучшего развития путем уменьшения роли национального государства.

Неудача демократии означает поражение Европы

А как же обстоят дела с Европой? Что произошло со столь распространенными ожиданиями наднационального контроля над прибылью благодаря европейской интеграции? В теории все это, быть может, и правильно. Однако на практике приходится констатировать: пока что такие институты, как ЕС, проявили себя скорее в качестве ускорителя глобализации, нежели корректора процессов развития, которые, похоже, вышли из-под контроля. В отличие от утверждений популистов, дело здесь не только в отсутствии воли со стороны участников, но и в комплексном характере процесса поиска решений на наднациональном уровне. Он часто вступает в противоречие с четкими усилиями регуляторного характера, направленными на «позитивную интеграцию», так как невозможно достичь консенсуса по основным вопросам на скорую руку.

Сторонникам прогрессивизма следует создать просвещенную патриотическую общую платформу для формирования прогрессивной идентичности, которая не стремится отделиться от внешнего мира этническими перегородками и не противоречит европейскому и глобальному сотрудничеству.

Но еще более решающее значение на европейском уровне играет вопрос демократического соучастия. На недостатки реально существующего европейского проекта нельзя реагировать лишь призывами к «большей демократии». Напротив: в ситуации, когда неолиберальная реальность «спасения евро» все дальше отдалается

от благородных идеалов социальной Европы, выходом из множественных кризисов не может быть подход по принципу «нельзя стричь всех под одну гребенку» (One-Size-Fits-None), декретированный консенсусом из Брюсселя. Речь идет о разумной европеизации, учитывающей различные требования и политические предпочтения государств – членов ЕС. В отличие от этого попытка добиться силой европейской национальной общности путем делегирования существенной части полномочий Европейскому парламенту может усилить центробежные силы в ЕС в такой же мере, как и усилия внести в повестку дня вопрос о единых нормах и стандартах. Тот, кто на самом деле осмеливается выдвигать на европейском уровне требования «большей демократии», должен найти в себе и мужество пойти на усиление демократической национальной государственности, в частности, путем усиления контрольных функций демократически избранных национальных парламентов.

Да, нам нужно «больше» Европы. Но не без разбора и не огульно. Конфедеративная Европа, в которой ставка делается на углубление по некоторым направлениям политики, но одновременно и на усиление возможностей национального выбора в других ее сферах, не стала бы «Европейской республикой», которой требуют особо горячие поклонники проевропейского пути развития, но и не превратилась бы в твердыню реакции. Напротив: по всей видимости, такая Европа стала бы не популистской, а популярной.

Миграция и родина

Национальное государство необходимо и при обсуждении такой глобальной темы, как миграция. Солидарность – главная задача прогрессивной политики. Однако солидарность на практике не только направлена на других, но и нуждается в общности, которая была бы ее носителем. В таком контексте миграция предстает в качестве вызова социальному государству всеобщего благосостояния. Левые политические силы, избегающие четких формулировок по вопросу об ограничении миграции, проявляя одновременно гуманитарную щедрость, или сдающие эту позицию политическому противнику, оказывают тем самым медвежью услугу не только собственной дееспособности. Они ставят под угрозу две традиционно центральные задачи: солидарное государство всеобщего благополучия, а также стремление обеспечить реальную возможность общественной интеграции.

В своей речи по поводу Дня немецкого единства в 2017 году федеральный президент Франк-Вальтер Штайнмайер высказался за

реабилитацию понятия «родина». По его мнению, не следует «отдавать ностальгию по родине на откуп националистам». «Родина» – это «место, в котором слово «мы» обретает свое значение». То, что понятие родины может использоваться и прогрессивными силами, доказал Александр Ван дер Беллен во время президентской избирательной кампании 2016 года в Австрии. Но предметом полемики остается вопрос о том, стоит ли делать ставку на это понятие именно прогрессивным силам. Разве оно не несет в себе подспудно значение изоляции, а с учетом нацистской романтики «крови и почвы» и вовсе изжило себя? На первый взгляд, это кажется очевидным. Тем не менее подобный отказ приводит к тому, что понятие «родина» оказывается неприменимым как раз на том уровне, на котором оно в политическом смысле является наиболее действенным.

Конечно же, когда речь идет о романтике местных небольших городских районов или сохранении региональных диалектов, приемлемость «родины» для сторонников прогрессивизма возрастает. Вот и Марк Заксер на страницах этого издания недавно ратовал за понятие [<link aktualnaja-tema rodina statja show rodina-v-kotoroj-stoit-zhit-492>](#) «прогрессивной и комфортной для жизни родины», корни которой уходят в «местные традиции». Эти размышления небезосновательны. Но почему его отпугивает наиболее распространенное на самом деле значение «родины» как отчизны, родной земли?

Именно этот пробел обременяет интеграцию и является белым пятном в политическом отношении. Ведь в конце концов политическую эмансипацию обеспечивает не маленький городской район, а признание гражданской принадлежности к государственной общности. Поэтому «родина», а также открытое навстречу миру определение понятия «нации» на государственном уровне являются величинами, способствующими не изоляции или дискриминации, а восприятию иного, интеграции и партиципации. Яркий пример тому – «гражданский патриотизм» Шотландской национальной партии.

Речь в защиту реабилитации левыми национального государства основана на убеждении в том, что она вовсе не представляет собой подыгрывание мнимому националистическому духу времени. Напротив – речь идет об открытии заново. На самом деле левоцентристским силам всегда удавалось добиваться большинства в тех случаях, когда справедливость и гордое наследие интернационализма увязывались с исповеданием идей сильного государства. Улоф Пальме хорошо осознавал это, проповедуя

шведскую модель «дома для народа» (Volksheim). То же можно сказать и о Вилли Брандте. Не случайно в 1972 году он въехал в Ведомство федерального канцлера под девизом, который сегодня, вероятно, вызвал бы подозрения в близости к партии «Альтернатива для Германии»: «Давайте гордиться своей страной». А в 1987 году Брандт отметил, что «дело нации в руках демократических левых сил, руководствующихся мирными убеждениями и европейской ответственностью, защищено лучше, чем кем бы то ни было». В его правоте нынче можно еженедельно убеждаться на примере скандальных высказываний АдГ. Ведь главная проблема состоит как раз в том, что вероятность позитивного и открытого навстречу миру гражданского патриотизма уменьшается по мере отгораживания от него прогрессивных сил. Становится ясно, что в национальном государстве нуждаются не только левые политические силы, но и само демократическое государство нуждается в левых.

Сторонникам прогрессивизма следует создать просвещенную патриотическую общую платформу для формирования прогрессивной идентичности, которая не стремится отделиться от внешнего мира этническими перегородками и не противоречит европейскому и глобальному сотрудничеству. Национальное государство, основанное на такой идентичности, удалось бы вырвать из плена единоличного представительства экстремистов и превратить в действенное средство против постоянно крепнущего трайбализма. Одновременно, таким образом, прогрессивным силам удалось бы вернуть себе ту сферу действий, в которой они всегда добивались наибольшего успеха. Одним словом: такое государство стало бы достойным адресатом для столь же нескрываемой, сколь и четкой похвалы нации.

Этот текст является отрывком из книги Хвала нации. Почему мы не должны отдавать национальное государство на откуп правым популистам, Dietz, апрель 2018 года.

Михаэль Брёнинг
Нью-Йорк

Михаэль Брёнинг (Michael Bröning) возглавляет офис Фонда им. Фридриха Эберта в Нью-Йорке и является членом комиссии СДПГ по вопросам фундаментальных ценностей.

1 LESERBRIEFE

Виталий Крюков schrieb am 04.04.2018

Всё ЭТО было бы действительно социально-политически конструктивным, если бы автор понимал и учитывал двойственность толкования понятия "нация". - Первое - этническое, второе - политическое и отражают они принципиально разные сущности. Вот и получилась в результате мировоззренческая "каша" и аморфные суждения, увы ...
